

Дарья Муиле

Детство

Детей

с Французом

Дарья Мийе

Делать детей с французом

«Издательские решения»

Мийе Д.

Делать детей с французом / Д. Мийе — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907224-5

Эта книга вовсе не про модные тенденции в воспитании детей, а про болезненное выращивание француза в себе. И шире — про то, как мы хотим стать лучше и что нам в этом мешает. У Дарьи есть умница дочка, красавец муж, европейский вид на жительство и несколько языков в активе. Вроде бы живи да радуйся. Но не тут-то было! Жизнь то и дело подкладывает ей горошины под перину, и вскоре героине предстоит выяснить, как узка, оказывается, её зона комфорта.

ISBN 978-5-44-907224-5

© Мийе Д.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	8
I. Скажи мне, кто твой друг...	8
II. Проекты на сытый желудок	12
III. Вставай, проклятьем заклеимённый...	18
IV. Прощай и здравствуй!	22
V. Если у вас тётя – есть	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Делать детей с французом

Дарья Мийе

© Дарья Мийе, 2019

ISBN 978-5-4490-7224-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта книга основана на настоящих эмоциях, о которых рассказывает вымышленная героиня. Любое совпадение с реальными людьми или событиями прошу считать частью художественного замысла.

«...» Человеческое существо в корне отличается от минерала или химического раствора тем, что может являться объектом для наблюдения с двух не сводимых друг к другу позиций. Посредством взгляда от третьего лица можно наблюдать лишь человеческое тело. Посредством взгляда от первого лица можно наблюдать лишь свою собственную человеческую сому. Тело и сома равноправны по своей реалистичности и ценности, но как наблюдаемые явления они существенно отличаются в своих проявлениях.

Тогда соматику можно определить как сферу исследования, которая изучает человеческое существо, как оно ощущает себя изнутри»¹.

¹ Т. Ханна «Что такое соматика»; Somatics Magazine-Journal of the Mind/Body Arts and Sciences, Volume V, No. 4, Spring-Summer 1986

Вступление

Прогресс застаёт нас врасплох в самых неожиданных местах. Однажды я пришла в муниципалитет Тринадцатого округа Парижа, чтобы взять копию свидетельства о рождении ребёнка. Для этого надо было заполнить формуляр, в котором имелись следующие строки:

Фамилия-Имя Отца (1) / Матери (1)

Фамилия-Имя Отца (2) / Матери (2)

Минуты три я пыталась сообразить, какое место занимаю в этой шведской семье, где папы и мамы ходят под порядковыми номерами. Взглядывала исподлобья на даму за стойкой, не зная, как спросить. Во Франции ведь полигамия формально запрещена, хотя соответствующее лобби уже работает над либерализацией этого вопроса. Может, оно уже и победило, а я не в курсе?! Гийом всё время говорит, что я живу как в пещере, даром что журналист. Родителей, выходит, четверо? Как бы это так спросить, чтобы с одной стороны не выдать своего ретроградства, а с другой – не переборщить с наигранным энтузиазмом... Тут дело такое: раз вышел закон, надо быстренько подстраиваться, ведь считается, что он увенчал собой долго вызревавшие чаяния народа.

Я медлила. Иностранцу так легко на ровном месте сделать *faux pas*² и заслужить клеймо дикаря в глазах просвещённых французов. Мать ли я вообще, если не прошла соответствующую процедуру идентификации и не получила порядкового номера?..

И тут озарение!

Я хлопнула себя по лбу и воскликнула на всю приёмную:

– Так они геев имеют в виду?! В смысле однополые семьи? Вот в этой графе?

– Да, мадам, – нейтрально ответила темнокожая чиновница.

– Уф, слава богу! А то я подумала было, что арабы уже многожёнство протащили!

В помещении повисла тяжёлая пауза. Я быстро подписала формуляр и вышла, пока у меня не отняли вида на жительство.

В России я знала свои абсциссы и ординаты по всем важным вопросам, и, как правило, они располагались в верхней левой четверти системы координат, в зоне «возвышенного либерализма». Гостеприимное отношение к мигрантам, искоренение гомофобии, свобода самовыражения, независимость СМИ, равноправие полов – эти принципы казались мне единственно правильными до того, как я попала в мир, по ним устроенный. Во Франции общество живёт по ним уже несколько десятилетий: за это время они окрепли и эволюционировали, дошли до абсурда и теперь всё больше напоминают собственные противоположности.

Например, в России я горячо выступала за равноправие полов. Сбросим с корабля современности паразитический альянс мамы-наседки и папаши-трудоголика! Но до переезда я не задумывалась, готова ли принять противоположный тип семьи. Возможно, это потому, что в наших широтах он просто не встречается. У нас женщины робко заявляют свои права в топ-менеджменте, тогда как во Франции мужчины активно борются за право уходить в декрет.

В работе я была за то, чтобы выбрать себе такое дело, которым по-настоящему интересно заниматься восемь-двенадцать часов в день. Превратить увлечение в способ заработка – вот залог счастливой карьерной судьбы! Во Франции, оказалось, такая жизнь считается «несбалансированной». Кроме работы, которая есть необходимое зло, человек обязательно должен иметь отдушину, делать что-то бескорыстно. За хобби нужно платить деньги, а не получать. А на профессиональные темы не принято говорить в компании друзей.

Горизонтالي и вертикали вдруг стало недостаточно, чтобы отметить точку зрения. Из плоскостных дилемм «хорошо-плохо», «свой-чужой», «можно-нельзя» проблемы сдела-

² фр. «неверный шаг»

лись объёмными. По тем немногим вопросам, где мне ещё удавалось сформулировать собственное мнение, моя точка зрения теперь позорно чернела где-то в нижней правой четверти области значений, там, где «реакционный капитализм».

Но самое неприятное, что эта потерянности из личной драмы превратилась в общественную. Ведь отныне я генеральный подрядчик на строительстве чужого мировоззрения. То есть мать.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

І. Скажи мне, кто твой друг...

В жилом комплексе «Черри Хиллз» нет ни одной нормальной семьи, кроме нас. В кастинге друзей по подъезду, которых можно было бы пригласить на аперитив или пляжное барбекю, мы отсеяли американского пенсионера с внешностью латентного серийного убийцы, пару одержимых спортом гомосексуалистов, представительную австрийскую чету за шестьдесят, которые даже здороваться умели обидно, высушенную британскую леди, в чьём деловом костюме сквозило садо-мазо, и семейство, которое мы окрестили «амфибиями» – все пятеро ходили в обнимку с лапами и аквалангами, и даже что-то в их семейной морфологии необратимо изменилось от долгого пребывания в воде. Это конечно же оптический обман, уговаривала я себя, но не могла не замечать, что скулы у них слегка скошены по отношению к носу, чтобы обеспечивать волнорез, и кожные перепонки между пальцами длиннее и прозрачнее обычного. «Бульк!» – дружно говорили они в ответ на «*Good morning!*» и, проходя, оставляли после себя шлейф йодистого аромата.

В сингапурской ссылке, куда я отважно последовала за Гийомом и его двукратно повышенным окладом, мне особенно не хватало двух вещей – творога и разговоров о квартплате. Ну, или, шире, о прозе жизни. Потому что жизнь в Сингапуре пугающе походила на рай – с бассейном, кокосами, меблированной квартирой, массажем пяток, посудомоечной машиной и уборщицей-филиппинкой. Там было всё, что душе угодно. Кроме, разумеется, творога. Но надо уже смириться, что его пока не завезли ни в один земной рай.

Люди тут говорили о каких-то странных вещах. Например, о том, куда лучше ехать за Большой Волной – на Ниас или на Восточную Яву? Стоит покупать золото сейчас или подождать до января? Кстати, как проверить сертификат у китайского перекупщика? Где достать специальные контейнеры для хранения жидкой хны? Лучше вакуумные или проветриваемые? «Хна» стала главным словом в моём лексиконе: сталкиваясь с очередным сингапурским явлением, не доступным пониманию, я презрительно шипела: «*What's the henna again?!*»³

Гийом же активно участвовал в театре абсурда, поддерживая беседу о масонском заговоре вокруг эко-топлива из пальмовых листьев. Вероятно, это потому, что наша социальная сеть здесь целиком и полностью состояла из его начальников и их жён. Пришлось купить специальные закрытые белые сандалии для походов в кантри-клуб, чтобы соответствовать дресс-коду *casual attire*. Я прозвала их «белые тапки»; они, как и положено, символизировали переход в мир иной – мир богатых.

Но после того как одна из давних экспатрианток посоветовала мне стричься только у парикмахера-буддиста, который один знает, где у волос карма, а где – результат аммиачного окрашивания, я решила форсировать события. Нужно было срочно найти нормальных человеческих человек, ещё не до конца утративших связь с суровой реальностью, где в обед едят макароны с баночным соусом, засыпают под мерный говор телевизора и знать не знают о существовании кармы у волос.

После долгих обсуждений выбор пал на соседей с третьего этажа – серьёзного китайского мужчину и его жену, красавицу ланкийку. Гармоничная пара за сорок, они смотрелись комплементарно: её голова, вытянутая, как у Нефертити, за счёт сложно подколотых волос, составляла контраст его голове, одинаково плоской со стороны лица и затылка; её пёстрые одежды отте-

³ англ. «Что опять за хна?»

нялись его рубашками в бледную клетку; её загадочная полуулыбка равно противостояла как его обычному выражению лица «не подходи – убью», так и его внезапному раскатистому смеху.

Мы пригласили их на добрососедский ужин. Достали бутылку припасённого для особого случая «Шато де Седр» – настоящего сокровища по здешним меркам, ценности которому добавлял пробковый сбор за провоз через местную таможеню. Жест остался незамеченным: мадам пила воду, а мсье предпочитал местное пиво «Тайгер». Вечер развивался прекрасно, мы многое узнали про экспорт шурупов в Австралию и даже стали привыкать к резкому смеху нашего нового друга... Но когда вина осталось на доньшке, мне вдруг стало казаться, что суровый китаец делает мне авансы. Он то и дело переводил глаза на мою грудь, а когда поднимал их, они сально блестели. Я уговаривала себя, что это опять самовнушение, что у людей не бывает перепонки и жабр, а женатые китайцы не могут вожаделеть своих европеоидных соседей... Но все же набросила палантин и для убедительности убавила кондиционер.

– Становится жарко, – в контрапункт мне протянула Шеара и развязала шелковый платок на шее. Его концы скользнули по плечам и обнажили такое декольте, которое французы называют *plongéant*. То есть хоть ныряй туда. Шеара переложила ногу на ногу и оставила коленку коричневым айсбергом выступать между лапами запашной юбки. Её платье, длинное и вполне целомудренное в вертикальном положении, теперь приняло форму буквы X с тонкой перемычкой в районе бёдер. Она взяла стакан с водой и приложила его к диафрагме: – А можно ещё льда?

«Мой мозг опять меня предаёт, – думала я, крутя ручку ледорубки. – Мне кажется, что невероятно красивая сорокалетняя ланкийка раздевается у меня в гостиной, а её муж в это время смотрит на мою грудь».

Ой, а куда же в это время смотрит мой муж?!

Поверх барной стойки, разграничивающей гостиную и кухню, виднелась голова Гийома. Его глаза бегали по полу, а когда поднимались, становились в два раза больше обычного. Это не гипербола, а симптом повышенного внутричерепного давления, и оно проявляется тогда, когда Гийом сильно взволнован.

Я вернулась в гостиную и поставила перед Шеарой пиалу со льдом. Она бросила несколько кубиков в стакан и стала медленно перекачивать его от ключицы к ключице, запрокидывая голову и как будто даже постанывая.

– Ой, кажется, Кьяра хнычет! – не выдержав, воскликнула я и выбежала из комнаты.

В детской, разбросав руки-ноги наподобие морской звезды, дочь дрыхла с полной самоотдачей. Я присела на краешек кровати и перевела дух. Потеребила одеяло. Поправила подушку. Рассадилась по росту плюшевых животных. *God* же *damned*, на курсах хороших манер не учат, как с честью выходить из подобных ситуаций... Я поковыряла губу и тихонько спросила:

– Малыш, ты не хочешь писать?

Малыш даже не шевельнулся, ни одна случайная волна не сбила синусоиду её дыхания.

– А стоило бы, ты же столько сока выпила после ужина, – сказала я чуть громче.

Слова падали в её сон, словно пляжная галька в мазут – не оставляя на поверхности кругов. Дочка плавала в одной из тех морфеевых бездн, откуда надо подниматься медленно, чтобы от перепада давления не лопнули барабанные перепонки.

– Малыш! – я потрясла Кьяру за плечико, сначала деликатно, потом настойчивей, а когда из гостиной донесся грудной смех гостыи, и вовсе бесцеремонно. – Надо сходить пописать!

Кьяра вдруг глубоко вдохнула, широко открыла глаза и уставилась на меня.

– Доченька, прости, что я тебя бужу, но надо сходить в туалет. А то опять напишешь в постель, как... в прошлом году. Хорошо?

Кьяра кивнула, встала с кровати и лунатической походкой направилась в туалет. Через гостиную, как того требовал мой не до конца выношенный план.

Я вышла следом с расстроенным лицом.

– Дочка так нервно спит в последнее время. От любого шороха просыпается. И даже иногда случаются... м-м-м... подзабытые инциденты, ну, вы понимаете. Наверно, затянувшаяся акклиматизация. Поможешь поменять ей постель? – я выразительно посмотрела на мужа.

Гийом кивнул, вынырнул взглядом из декольте Шеары и поплёлся в детскую.

Гости остались сидеть с выжидающими и несколько разочарованными лицами. Чтобы деликатно подтолкнуть их к мысли об уходе, я прошла на кухню и стала рыться в ящичке для лекарств.

– Она вся горячая. А у нас, похоже, кончилось жаропонижающее. Придётся ехать в дежурный супер.

– У нас есть жаропонижающее, – проворковала Шеара.

– Вряд ли оно подойдет ребёнку...

– О, у нас большая коллекция жаропонижающих! Как и жароповышающих, кстати, – сказала она так, будто речь шла вовсе не о безрецептурных препаратах. – Реншу, дорогой, сходи покажи Дарье наш мини-бар из лекарств на все случаи жизни? Наверняка найдете то, что нужно.

Реншу с готовностью приподнялся и обратил на меня истекающие салом глаза. В голове услужливо всплыли фоновые знания: Джакомо Казанова тоже часто приглашал наивных девушек в гости под предлогом показать коллекцию бабочек.

– Нашла!

Я, как оберег, выставила перед собой розовую коробочку «Долипрана».

Сосед разочарованно опустил обратно в бежевые подушки.

Обрисовывая вокруг себя защитные круги флаконом жаропонижающего, я прошла мимо Реншу и Шеары в детскую.

Гийом щупал матрас в поисках влажности.

– А где она написала-то?

– Тщ! Это же отвлекающий маневр! Ты что, не видишь, что она раздевается у нас на глазах?

– Серьёзно?! – как будто удивился Гийом и приподнялся на цыпочках посмотреть.

Я захлопнула дверь перед его носом.

– Надо как-то дать им понять, что ЭТО нам не-ин-те-рес-но.

Гийом закусил губу.

– Или... интересно? – грозно спросила я.

– Нет-нет, конечно, ни капельки не интересно. Но как же быть? – он приоткрыл дверь: Реншу выливал в пивной стакан остатки вина. – Они вроде как не собираются уходить.

На ходу подтягивая трусы, в комнату приковыляла сонная Кьяра.

– Так и есть, у Кьяры высокая температура, – озабоченно объявила я гостям.

– И понос! – добавил Гийом.

Кьяра засыпала у него на плече: она ещё не очень понимала по-английски и потому не знала, что у неё жар и диарея.

– Солнечный удар, – предположила я. – Наверно, перегрелась на прогулке.

– Или воспаление от укуса мухи, – подхватил муж. – Помнишь, её на выходных какая-то тварь ужалила в вольере с бабочками?

– Да-да, – закивала я. – Надо будет завтра позвонить педиатру, – и, видя, что гости по-прежнему не торопятся прощаться, добавила: – Жалко, что приходится так рано расходиться.

– Прекрасно посидели! – Гийом подхватил руку Реншу и стал оживлённо её трести.

Гости нехотя поднялись и пошли к выходу. Это был стратегически важный момент: надо было всячески избегать стандартной формулы вежливости «Хорошо бы повторить». Мы мялись и мычали, потому что прощанию явно недоставало завершающего аккорда.

– Ну, продолжим с этого момента в следующую субботу? – пришла на выручку Шеара. – У нас.

– В субботу мы уже ангажированы, но в одни из выходных непременно! – быстро сориентировалась я и чмокнула её в обе щеки.

Мы закрыли дверь за призраком начинающейся дружбы. На всякий случай, на оба замка.

II. Проекты на сытый желудок

То, что я плохая мать, стало ясно ещё до того, как у меня появился ребёнок. Примерно в тот день, когда я променяла занятие в женской консультации (основы пеленания и массажа грудничков) на пресс-конференцию новорожденной авиакомпании (тарталетки с муссом из устриц и шампанское). Поддерживать отношения с авиакомпаниями, отельными сетями и офисами по туризму входит в обязанности трэвел-журналиста – не неприятные, прямо скажем, обязанности, ведь эти отношения лучше всего укрепляются в хороших ресторанах под аккомпанемент дорогих вин и оставляют на память сувениры в пакетах с золочённым тиснением.

Подозрение укрепилось, когда я подвергла двухмесячного младенца перелёту Москва-Париж. Через Прагу, потому что так дешевле, хоть и дольше на три часа. Мы с Гийомом летали друг к другу раз в месяц и не торопились приводить отношения к единому географическому знаменателю. Мир на глазах избавлялся от границ и предрассудков, и мы ждали, что для космополитов вроде нас вот-вот придумают новый тип союза – не слишком обременительный, но дающий право на авиа-абонемент со скидкой.

Подозрение переросло в уверенность, когда я загрузила в морозилку запас сцеженного молока и, оставив полугодовалую дочку на попечение бабушки, уехала в командировку. Нельзя забывать работу из-за материнства, мы же не в каменном веке.

Последние сомнения были развеяны, когда выяснилось, что я ничего не знаю о гиперкальциемии. После очередного сложносоставного перелета девятимесячная Кьяра покрылась сыпью, и дерматолог прописал ей уколы кальция. Я послушно отдала бы дочь под иглу, если бы подружка Настя, эксперт по детским вопросам, вовремя не заорала в трубку: «Ты что! Это же прямой путь к гиперкальциемии!».

Вернувшись из поликлиники, я прочла всё, что сообщал интернет об этом недуге. Оказалось, по наивности я чуть не обрекла ребёнка на нарушение ориентации в пространстве, помрачение сознания и почечную недостаточность – последствия избытка кальция в организме.

Оказалось также, что существует ещё десяток неизвестных мне детских болезней, которые при каждом клике появляются во всплывающих окнах «Вам также может быть интересно» или «Похожие темы».

Оказалось, в общем, что в своём материнстве я беспечно бегаю по минному полю. Вокруг то и дело подрываются другие, куда более осмотрительные мамы, а меня бог пока миловал как новобранца. Но пора бы уже перестать испытывать божественное терпение и начать передвигаться иноходью по этой *terra incognita*. Пора, но... Где взять двадцать пятый час в сутки или лунный день тридцать первое июня, набегающий раз в тысячу лет? Мне он нужен примерно раз в неделю! Ведь московские журналы, проведая о моём новом месте жительства, захотели статей про разные азиатские диковины. А одна малотиражная французская газета иногда заказывала мне обличительные карикатуры: в свободной Республике до власти дорвались социалисты, и мы радовались, что нам как нерезидентам не придется в этом году платить французские налоги.

Для гуляния с Кьярой была найдена жаростойкая, потонепробываемая няня Мэгги за двадцать долларов выгул. У Мэгги были первоклассные рекомендации – она была племянница мужа домработницы шефа Гийома. По неисследованным законам поруки на неё переносились разом характеристики домработницы шефа, о которой было известно понаслышке, но только хорошее, и самого шефа, который, по словам Гийома, был примерным семьянином и имел годовой бонус в восемьдесят тысяч евро.

Мэгги забирала Кьяру каждое буднее утро в десять. Захлопнув за нею дверь, я неслась к кофемашине и вливала в себя двойную порцию того горького чёрного эликсира, который запускает процесс превращения волоокой матери в ершистого креативного работника. На метаморфозу было отпущено ровно два часа. Сто двадцать минут на то, чтобы из лягушки сделаться Василисой, соткать царю-батюшке рубаху и испечь каравай. Три тысячи шестьсот секунд свободы от злых чар. Кто сказал, что муза не приходит по требованию? За то время, что я стала матерью, моя сделалась вышколенной, как солдат-срочник. Это раньше она, дыша духами и туманами, являлась на московскую кухню к концу третьей чашки эспрессо, лениво выпитой под шоу «как сделать из кулёмы царевну-лебедь». Теперь она вскакивает, натягивает портки и китель, на бегу впихивает пятки в кирзовые сапоги и спешит на вахту, едва почуввав запах молотых зёрен.

В эти два часа я брала интервью по скайпу и с помощью веб-камеры посещала гидропонические фермы, через оцифрованные библиотечные архивы углублялась в фольклор китайских переселенцев и по телефону обсуждала с куратором какого-нибудь музея планы на будущий сезон. В устной речи использовала слова с окончаниями *-ing* и *-tion*, а в письменной – с -ение и -ация. Жила, одним словом.

Но жизнь заканчивалась ровно в полдень, со сказочной точностью, только вместо боя часов раздавалось «МАМА, Я ПРИШЛА!». Приходилось спешно натягивать лягушачью шкурку и идти встречать дочь. Каким-то непостижимым образом её присутствие означало отсутствие меня, в смысле меня настоящей.

А ведь я тоже мечтала, как буду идти с дочкой по широкому бульвару и рассказывать ей обо всём на свете. А она будет замороженно слушать и изредка задавать уточняющие вопросы. Например, что это за цвет такой – кобальт или чем перистые облака отличаются от кучевых.

И ещё я обещала себе, что всё-всё буду ей объяснять. Как взрослой. Что никогда она не услышит от меня этого раздражённого «По кочану!».

И она будет впитывать мой сложный синтаксис, с каждым днем становясь всё более близким мне человеком...

Ага, щас!

В четыре года, в возрасте «Как?» и «Почему?», единственная фраза, которую я могла сказать дочери без риска довести её до слёз, была «Я тебя люблю, ты у меня самая умная и красивая». Хотя билингвизм, безусловно, окажется Кьяриным козырем в будущем, в настоящем он оборачивался бедностью словарного запаса. Дочка освоила прожиточный минимум на французском, английском и русском и не торопилась расширять вокабуляр. Я не понимала её вопросов, она не понимала моих ответов. От бессилия она кричала, плакала, била меня и падала на землю в припадке ярости, который со стороны напоминал эпилептический. От бессилия я кричала, обзывала её глупой и страдала приливами, словно у меня уже климакс. Взволнованным прохожим я объясняла сквозь слёзы, что у нас фрустрация на фоне кризиса коммуникации. Те с пониманием кивали и отходили.

Я уговаривала себя, что задавать непонятные вопросы и дотошно требовать ответов – это у дочери возрастное. Но в глубине души понимала, что, скорее, всё-таки генетическое. Достаточно вспомнить наши диалоги с бедной Натальей Васильевной, репетитором по французскому, которая спешно готовила меня к первой поездке в Прованс к будущим свёкрам.

– Почему тут предлог *sur*?

– Так говорят.

– Но тут должен быть предлог *à*, вот же, похожие примеры разобраны на странице сто тридцать два.

– Это исключение.

– У каждого исключения есть объяснение...

– Это привет из старофранцузской грамматики, объяснение давно забылось!

– То есть вы согласны, что в такой речевой ситуации уместнее поставить *à*, но по каким-то иррациональным причинам стали ставить *sur*?

– Дашенька, я уже согласна на всё, даже признать, что Мольер был не силён во французском.

– Да, но хотелось бы всё-таки понять, почему...

И Наталья Васильевна почти всегда находила почему – в древних справочниках мидовских переводчиков, у бывших коллег по «Интуристу», в диссертациях знакомых профессоров лингвистики. У Натальи Васильевны было железное терпение, ведь в свободное от меня время она преподавала в дорогой частной школе, где подростки испорчены ощущением родительского всемогущества.

У меня же совсем не было учительской выдержки. Не было ни знакомых в небесной канцелярии («Почему дождь падает, а река течёт?»), ни докторской степени в оптике («Почему мы видим глазами?»), ни друзей с познаниями в молекулярно-кинетической теории («Почему макароны в горячей воде становятся вкусными, а в холодной нет?»). Я пыталась отшучиваться цитатой из КВН «Потому что гладиолус», но юмора дочка тоже не понимала. Она вообще воспринимала всё трагически-буквально. Если раньше я могла словами играть и жонглировать, вязать из них ажурные салфетки и делать безе, то теперь же они казались гирями, и приходилось думать, какие бы такие полегче выбрать, чтобы скатить их во фразу. Вес слова часто, но не всегда измерялся количеством слогов: двусложные ещё как-то можно было сдвинуть, а четырёхсложные оказывались совсем неподъёмные. Приходилось проявлять чудеса самодисциплины и выражаться строчками из букваря.

«Котик моется лапкой».

«Морковка полезна для здоровья».

«Ты вырастешь и поймешь».

Я чувствовала, как внутри черепной коробки скукоживается мозг, как за ненужностью отмирают его отделы: брямс – отвалилась, как ржавая водосточная труба, извилина, ответственная за анализ инфографики; пшшш – сдулся нарост, отвечавший за эргономичное планирование рабочего дня. Только мозжечок, регулирующий координацию движений, пока ещё оправдывал существование этого дорогого в обслуживании органа – мозга.

Много месяцев ушло на то, чтобы найти универсальный ответ на дочкины «почему?». Я даже подумывала его запатентовать, ведь в Сингапуре всё патентуют. «Потому что так придумал дизайнер». Эврика! Этим можно объяснить всё, от наличия страз на туфлях до последовательности цветов в радуге. Кто такой дизайнер? Это человек, который придумывает вещи. Например, наша московская бабушка Алёна, она дизайнер интерьеров – придумывает, как будут выглядеть квартиры. Какого цвета будут стены, где будут стоять кресла, из какой породы дерева будет кухонный гарнитур... Кто такой гарнитур? М-м-м. Для начала он не кто, а что. Это комплект мебели – ящички, шкафчики, столики, крючочки. Почему его едят с мясом?! Ах, как гарнир... Нет, с мясом его не едят, его делают на фабрике из дерева или пластмассы, он несъедобный. Несъедобный значит его нельзя съесть. Да, крючочки нельзя есть. Ящички тоже. Нет, это не мамы Алёна так решила, просто их нельзя есть, потому что их НЕ ЕДЯТ. Ты вырастешь и поймешь.

Авторитет бабушки рос как на дрожжах. Мой авторитет обратно пропорционально уменьшался.

Понятно, что мысль о втором ребенке пришла мне не из любви к детям, а от пристрастия к тайм-менеджменту. Я хорошо помню день, когда она впервые меня посетила.

– Почему у китайцев узкие гла-азки? – спросила однажды Кьяра, оттягивая веки к вискам.

– Видишь ли, климатические условия в районах обитания азиатских рас исторически были таковы, что из-за степного ветра и песчаных бурь легче жилось людям с узкими глазами. Так в ходе эволюции природа выпестовала монголоидный тип.

Круглые европеоидные глаза Кьяры стали стремительно наполняться слезами. Я вздохнула и взяла её за руку.

– Потому что так придумал дизайнер, самый главный дизайнер, который живет высоко на небе и придумывает, какими люди рождаются. Хорошо?

Дочка кивнула, раздумала плакать и вернулась к играм. Другая бы обрадовалась своей находчивости, а я вдруг сама едва не заплакала. Провидение только что в лоб сообщило мне, что настоящая я никому не нужна.

Вообще-то это чувство мне не ново. Я всегда ощущала шаткость своего семейного положения, потому что не понимала, за что меня любят муж и дочка. Ведь они не пользуются ничем из того, что делает меня уникальной личностью. Не то чтобы у меня породистая внешность или лёгкий характер. Не то чтобы я рассказываю затейливые сказки или делаю умопомрачительный минет. Я довольно посредственно готовлю и сказать, что я создаю дома уют, было бы преувеличением. По правде говоря, действительно хорошо я умею делать только одну вещь – использовать русский язык. То есть то, что мои близкие оценить не в состоянии.

Я привыкла жить с тревожным ощущением самозванки и в хорошие минуты думала даже, что, вероятно, обладаю каким-то необъяснимым притяжением, которое действует на людей, как солнце на подсолнухи. В плохие минуты я, правда, боялась, что меня вот-вот разоблачат и изгонят из рая. Но теперь мою веру в себя подтачивало ещё одно, относительно недавнее открытие: из моих текстов ушёл нерв. Улетучилась та межсловесная магия, благодаря которой можно вычислить автора по первому абзацу. Исчезло то самое, что, в общем-то, и делало меня уникальной личностью, пусть и недооценённой.

Редакторы вежливо не замечали моей деградации и предлагали работу щедрей обычного. Московские журналы наводнились изображениями Мерлиона с головой льва и телом рыбы, ценами с сингах и способами провести время на Сентозе. Муза скромно сидела на краешке стола и подавала мне ладные фразы, словно кирпичи. Она выглядела затрапезно, как почасовая работница на конвейере. От частого использования не по назначению она разучилась парить, зато научилась отмечаться карточкой присутствия на входе. Я смотрела на её пролетарский наряд и понурые плечи и винила себя в опошлении божественного замысла.

Но редакторы, похоже, были даже где-то рады вырождению моей музыки. Рады исчезновению деепричастных оборотов, барочных метафор, кружевных абзацев и троичных сравнений, которые так сложно примирить с журнальной версткой. По крайней мере, в органайзере у меня не переводились записи вроде «закончить 25 причин побывать в Малайзии» или «накопать 10 главных событий азиатской осени».

Что ж, раз моё божественное предназначение сейчас не находит спроса, значит, самое время выполнить свою биологическую миссию, решил великий оптимизатор. В моей семье с обеих сторон по двое детей, это число прочно прописано в моей матрице. Кьяре нужен товарищ для игр. Тогда, может, она наконец оставит меня в покое и даст заниматься своими делами. К тому же у нас ещё никогда не было в распоряжении ста квадратных метров жилой площади и няни с домработницей для создания иллюзии беззаботной жизни.

Об этом даже есть анекдот. Бедный человек приходит к мудрецу и жалуется на жизнь: «О мудрец, у меня совсем нет денег и семеро по лавкам сидят – хуже не бывает. Что мне делать?». Мудрец ему отвечает: «Купи козу!». Бедняк вскидывает руки: «О мудрейший, ты меня не слушаешь, я только что сказал тебе, что у меня не хватает денег даже на прокорм своих семи ртов, какая коза, рабби?!». Но старейшина непреклонен: «Купи козу». Через месяц

бедняк приходит с впалыми щеками: «О мудрейший, я занял у соседа, чтобы выполнить твой совет, и купил козу. Теперь мне надо кормить жену, шестерых детей, это бестолковое животное, да еще и отдавать деньги соседу. Что мне делать?». «Купи осла», – последовал ответ. Бедняк захлебнулся в протестах, но мудрый человек стоял на своём. Через месяц нищий пришёл снова и с порога выглядел недружелюбно. «Многоуважаемый, я не смею усомниться в твоей мудрости, но как этот, будь он неладен, осёл мог бы облегчить мне жизнь? Теперь я должен двум соседям, меня грозят выселить из дома, мои дети уже два месяца едят одно зерно! Что мне теперь делать?!» Старейшина подумал и изрек: «Купи индюка». Тут бедняк наговорил мудрецу слов, о которых потом жалел. Но индюка купил. В четвёртый раз он явился к мудрецу с серьёзным намерением убить его, а после – себя. Он, чётко артикулируя, описал свою жизненную ситуацию: сварливая жена, шестеро голодных детей, тощие коза, осёл и индюк во дворе, соседи-враги, угроза выселения и долговой тюрьмы. «Что мне делать?» – спокойно спросил бедняк, поглаживая рукоять кинжала под рубахой. «А теперь продай весь свой скот и верни долги соседям!» – радостно огласил старейшина свою волю. Нищий опешил от такого поворота сюжета и даже забыл о преступных намерениях. «И что? – не слишком вежливо переспросил он. – Я остался так же беден и несчастен, как был до первого визита к тебе». «Да, но теперь ты знаешь, что может быть гораздо хуже!»

Для Гийома, единственного сына своих родителей, необходимость второго ребенка была неочевидна. Пришлось искать понятные ему аргументы. «Второй ребенок – это как социальная страховка, понимаешь? – говорила я. – А что если первый окажется нетрадиционной ориентации? Что если он уйдёт в монахи или станет голосовать за левых? Кроме того, ты же финансист и лучше меня знаешь, что на пенсию нашему поколению рассчитывать не приходится. Нечестно заставлять Кьяру одну кормить нас на старости лет».

Слово «страховка» нашло отклик в душе Гийома, который по натуре тревожен и доверчив. Мысль про долгосрочные инвестиции в пенсию тоже правильно отрезонировала. Он обещал подумать.

Это меня совершенно не устраивало. Пока он будет думать, я выйду из детородного возраста. Мне ребёнок нужен здесь и сейчас, каждый месяц творческого простоя на счету! Нельзя дольше ждать, когда учёные придумают способ синтезировать готовых четырёхлетних детей в шарах-пробирках. Нерасторопность мировой науки вынуждала действовать по старинке. И однажды вечером я представила Гийому последний, самый веский аргумент. Я положила руку на внутреннюю поверхность его бедра и проговорила томно:

– И потом, это значит, что можно заниматься сексом без презерватива.

Гийом тут же забыл, что ему надо подумать и что он устал в офисе, и изъявил желание немедленно приступить к действиям.

– Начиная с двадцатого декабря, – сказала я, отстранившись. – Иначе получится Лев.

Вообще-то нам, конечно, нужны были Рыбы, потому что мы все втроём Рыбы и хотим продолжать жить в воде. Но до момента зачатия Рыб ждать ещё восемь месяцев, итого семнадцать до родов. Кьяра уже вырастет и научится играть сама с собой. Ещё нам бы очень не помешал практичный Телец – знак Земли, которая в сочетании с Водой даёт созидательный эффект. Но сентябрь, месяц зачатия Тельцов, мы проворонили за долгими уговорами будущего отца. Как, впрочем, и начало ноября – время зачатия семейственного, во всех отношениях приятного Рака, который никогда не обделит вниманием родителей. Придётся брать, что дают. А ближайший приличный знак, который давали, был Дева. Дева – это почти как Телец, только зануднее. Зато через шесть лет ей можно передоверить уборку дома, через одиннадцать научить систе-

матизировать бумаги, а со временем – вести семейную бухгалтерию. Да, если хорошо подумать, нам определенно нужна была Дева!

Я произвела расчёты на основе лунного, китайского, галльского и старославянского календарей, проверила совместимость асцендентов в специальной программе, скорректировала всё с учетом менструального цикла и получила несколько подходящих дат.

Гийом внимательно изучил протянутый календарь с красными отметками.

– Значит, если мы займемся любовью сегодня, это будет совершенно бесполезный акт с точки зрения воспроизводства? – уточнил он.

– Совершенно бесполезный. Месячные закончились на прошлой неделе.

– Какой расход первоклассного биологического материала! – прошептал он, целуя меня в шею. Его ладонь нырнула под мою майку.

Мы очень радовались, что на этот раз держим судьбу в своих руках.

III. Вставай, проклятьем заклеимённый...

«Я клоп, маленький зелёный клоп, незаметный на коже белого налива», – шёпотом повторяла я, пересекая двор кондоминиума с набитыми сумками. В этой фразе заключается «техника невидимки», вычитанная мной в книге «Возьми под контроль свой ци». Она помогает визуально уменьшить астральное тело и остаться незамеченным для рассеянного взгляда окружающих... если я верно перевела. В книге говорилось о мушке с названием, не знакомым англоязычному Гуглу, и есть риск, что выбор не известного в этих широтах клопа мог исказить магическую схему. Как бы то ни было, две недели эта техника спасала меня от случайной встречи с Шеарой или Реншу.

Утром по четвергам я хожу на рынок. Я хожу туда с тремя целями: реальной – закупиться ананасами и киви-ягодой, метафизической – найти квашеную капусту, и побочной – выпить сока из сахарного тростника, который выжимают машиной, похожей на типографский пресс. Я залпом высасываю стакан, глядя, как сквозь железные челюсти прокатывают вторую порцию хрустящих палок, и думаю про типографии, цветоделение, редакции, свою замершую в развитии карьеру и далекий от желаемого внешний вид. Было время, холодное жестокое время, когда приходилось греть лицо слоями макияжа, и туфли на каблуках были самой естественной обувью в офисе, где требовалось жалить шпильками корректоров и свысока взирать на стажёров. Теперь я хожу в резиновых шлёпанцах и расхлябанных шортах, а из косметики использую только увлажняющую помаду. Кожа пропахла солнцезащитным кремом. Волосы неряшливо подколоты на затылке – причёска, отличающая нянек, домохозяек и работниц грязных производств. Необъяснимо, почему муж до сих пор не променял меня на точёную азиатку.

Потому что муж у меня по всем статьям завидный: молодой, красивый, образованный, неплохо зарабатывающий. В будни при галстукe, по выходным – с теннисной ракеткой. Люди не задаются вопросом, что я в нём нашла. Скорее, наоборот: недоумевают, что он делает с такой кикиморой, как я. За спиной, конечно. В лицо они говорят, что мы хорошая пара, даже внешне похожи. Я уже привыкла и не обижаюсь. Потому что надо смотреть правде в глаза: мужчину большой нос с горбинкой делает орлом, а женщину – отрицательным сказочным персонажем. Не бывает принцесс с большими горбатыми носами. Которые ещё и лоснятся. «Я маленький зелёный клоп...»

Тут совершенно неожиданно и одновременно ожидаемо до фатальности в нескольких десятках метров по вектору движения из подъезда выплыла Шеара. В элегантном деловом костюме. С накрашенными губами и матовым носом. На шпильках. Воплощение успешной деловой дамы, икона Уолл-Стрита, она что-то высматривала в своём клатче, но вот-вот подняла бы глаза, а тут я – пучок разъехался, на майке вертикальные подтёки, голова набита мыслями о клопах...

Слева спасительно заскрежетала дверь подземной парковки – я юркнула в раскрывающуюся чёрную пасть и, расталкивая коленями пакеты, побежала вниз по рампе.

Из-за виража сверкнули фары, и я едва успела вжаться в стену, чтобы не попасть под колеса машины, поднимавшейся к свету из недр подземелья. Я взвизгнула одновременно с тормозами. Белая «Тойота» остановилась в паре метров от меня. Втянув голову в плечи, я приготовилась к ушату ругательств.

Но автомобиль стоял неподвижно и как будто ждал. Тогда я выдохнула и сама направилась к водителю с извинениями. Постучала в окно. Затемненное стекло опустилось: за рулем сидела соседка с шестого – костлявая, коротко стриженная англичанка, вид которой можно исчерпывающе описать словосочетаниями *child-free* и *gay-friendly*.

– Вы хотели меня убить? – спросила она серьёзно, глядя куда-то мимо меня.

– Я?! Нет, что вы, я... Я просто... Я...

– Вы просто бежали навстречу разгоняющемуся автомобилю по неосвещенному серпантину с односторонним движением?

– П-п-примерно так, – нехотя согласилась я.

– У вас, вероятно, на то были веские причины.

– Очень! Но среди них точно не было намерения вас убить.

Соседка постучала пальцами по рулю, как будто невысказанные проклятья не давали ей уехать. Я принялась оправдываться:

– Понимаете, я хотела избежать встречи с одним человеком, и этот маневр – первое, что пришло мне в голову.

– Х-м-м. Этот манёвр чуть не стоил вам жизни. И мне. У меня слабое сердце.

– Я дико сожалею! Но это была бы действительно неприятная встреча.

Тут сверху донеслось цоканье каблучков: судя по эху, кто-то пытался повторить мой смертельный трюк и войти в гараж со стороны выезда.

– Дария? – раздался сверху голос Шеары.

– С ней? – одними губами спросила англичанка.

Я смущенно кивнула. Она кивнула в сторону задней дверцы. Я втокнула пакеты и протиснулась следом в благоухающий кожей салон.

– Стёкла тонированные, снаружи вас не видно, – бросила соседка через плечо и тронулась вперёд.

Движением подбородка англичанка поприветствовала Шеару, вытягивавшую змеиную шею в темноту гаража. Машина выплыла во двор и заскользила по боковой дорожке к воротам. Через заднее стекло я видела, как Шеара вышла из гаража, непонимающе оглянулась и ушла со двора через калитку для пешеходов.

– Спасибо огромное, вы меня спасли! – шепнула я.

– Она должна быть очень назойливой, раз вы избегаете её с риском для жизни.

– Не то чтобы, но...

Мне не хотелось злословить о соседях с соседями. Точнее, наоборот, очень хотелось, для этого, собственно, мы и мечтали завести друзей по подъезду... Но вряд ли чайлд-фри и гей-френдли бизнес-вумен годилась мне на роль поверенной. Слишком много дефисов нас разделяло.

– Они и вас хотели втянуть в свой клуб свингеров? – спросила вдруг соседка.

– Клуб... простите, кого?!

– Ну, свингеры. Как это по-вашему?.. Эшанжисты.

– Да для меня, знаете, что свингеры, что эшанжисты – всё одинаково иностранные слова, просто они... никогда бы не подумали...

– Вы разве не француженка? – перебила она.

– Нет, это мой муж француз, а я русская, но не суть... Так они, вы говорите...

– Ах, вы русская! – вдруг заулыбалась моя спасительница, и оказалось, что улыбка делает её похожей на Джейн Фонду. – Это всё меняет!

Я приготовилась отбиваться от стереотипов, которые непременно вырываются из собеседника-иностранца, едва он узнает о моей национальности. Нет, я не пью водку с утра. Нет, я не ношу павлово-посадских платков, по крайней мере не летом и не на голове. Нет, я не работаю на КГБ. Но если очень попросите, могу спеть «Калинку-малинку».

– *I love Russians!* – воскликнула англичанка так, будто речь шла о пряниках. – Моя бабушка по молодости тайно состояла в Коминтерне, но вы, опять же по молодости, наверно, даже не знаете, что это такое.

– Такие совпадения редки, но в Москве я жила на улице Коминтерна, так что знаю.

– Подобные названия в России еще остались?!

– Потихоньку переименовывают, но наша улица пока держится.

– Я, знаете, в каком-то смысле родилась благодаря Коминтерну, – сказала соседка. – Бабушка была прожжённой социалисткой, проклинала монархию, заставляла маму учить русский. Потом мама поехала в Венгрию по программе обмена студентами и там встретила папу, тоже жертву внутрисемейного коммунизма. Они поженились, и папа ещё моему старшему брату пел «Интернационал» вместо колыбельной.

– Бедный!

– Не-ет! Он-то богатый, на Лондонской бирже работает. А вот бабушку и правда жаль: оба внука трудятся на капиталистов! Из завещания она нас вычеркнула лет пятнадцать назад.

– Но убеждения-то вам, полагаю, всё-таки передали по наследству?

– Увы, я генетический брак – люблю сплетни про принцев и Дживса с Вустером. Хотя не могу не признать, что «с каждого по способностям, каждому по потребностям» – очень правильная идея.

– Ну не знаю, мне она всегда казалась оправданием лентяям и бездарям, – сказала я. – Кто много и хорошо работает, должен хорошо жить. Кто работает плохо и мало, должен жить бедно. Надо соизмерять свои потребности со способностями. А то вот во Франции...

Я уже собиралась оседлать своего любимого конька и распространиться про губительный французский «ассистанат»⁴, который понимает под социальным равенством отрицательную селекцию, но поймала беглый взгляд соседки на часы. И действительно, пол-одиннадцатого, все приличные люди, имеющие потребности, уже два часа как активно используют свои способности на благо экономики. Я приняла это как сигнал к окончанию беседы и сгребла в охапку сумки.

– Впрочем, это долгий разговор, а вы, наверное, торопитесь. Ещё раз спасибо за помощь! Извините за некоторый радикализм, не стоило с утра говорить о политике.

– Что мне нравится в русских, так это то, что с ними можно начать серьёзный разговор в любое время суток. Без этих унылых прелюдий из гидрометеосводок.

– Вы англичанка – и не любите говорить о погоде?

Она пожала плечами.

– Говорю же, генетический брак. Всего английского во мне – пристрастие к чаю с молоком.

Тут во мне вспенилась новая волна радикализма: чай с молоком – гадость какая! Сама мысль об этом действует на меня слабительно! Надо было срочно что-то предпринять, пока я не начала учить англичанку пить чай и тем самым не испортила вдрызг начавшееся знакомство.

– Не знаю, сможете ли вы как английский человек принять это скоропалительное приглашение, но я как русский человек не могу его не сделать: заглянете ко мне на чай с баранками?

– С *barankas*?

– Это такое выражение. У вас чай пьют со сконами и сэндвичами, у нас – с баранками и пряниками.

– Со сконами и сэндвичами – это только в книжках Джейн Остин! – рассмеялась она. – А так и на крекер не каждый расщедрится. Но знаете, я, пожалуй, как-нибудь зайду. Хотя бы чтобы разрушить стереотипы.

– Окажите любезность! Я тоже *samovar* не обещаю. Пересильте в себе внутреннего британца, и пускай это «как-нибудь» случится на этой же неделе.

– За что я ещё люблю русских, так это за их эффективность и чувство юмора!

– Приятно думать, что кто-то в мире ещё так искренне любит русских, – сказала я, вылезая из машины. – Кстати, меня зовут Дарья.

– Да, я уже услышала в гараже, – соседка вытянула ладонь в опущенное стекло. – Лесли, приятно познакомиться.

⁴ фр. *assistanat* – государственная философия перераспределения благ в пользу социально пассивных слоёв населения

Благодаря Лесли я узнала, что наш кондоминиум – кунсткамера сексуальной экзотики. Выбор был богат, осталось только определиться, к кому примкнуть: к свингерам, фидерам, геронтофилам или вуайеристам. По словам Лесли, каждый день недели был зарезервирован за встречей какого-нибудь клуба по интересам, и все совершеннолетние граждане на зубок знали расписание, пароли и явки.

– Да-да, тут тот еще гадюшник, – приговаривала она, разбавляя коллекционный пуэр соевым молоком. – Оно и понятно: экспаты, оторванность от реальной жизни, сиюминутность окружения, другие нормы поведения в обществе. Вот всё тайное и лезет наружу из подсознания.

Сама Лесли принадлежала к крылу БДСМ, но с поправкой на эпоху. Её заводили исторические проявления жестокости – невольничьи рынки Древнего Египта, осада Ля-Рошели, корсары, конкистадоры в индейской деревне. У неё, члена клуба исторических переодеваний, было досье на каждого жильца, с которым она сталкивалась в том или ином маскарадном контексте – то на ретроспективе Тинто Брасса, то в свинг-вечеринке с дресс-кодом «Венецианский карнавал», то на концерте транссексуалов.

Чем больше мы разговаривали, тем скучнее казалась мне наша с Гийомом сентиментальная жизнь. В ней не было никакой страшной тайны. Но самое неприятное, что эту безыскусность было видно за версту. Соседям не надо было сводить с нами близкое знакомство, чтобы заочно поставить нам диагноз «лихорадка субботнего вечера». Это такой синдром, распространенный среди молодых родителей, которые раз в неделю заставляют себя заниматься сексом, чтобы укрепиться в иллюзии, будто их по-прежнему связывает что-то, кроме ребёнка.

Лесли рассказывала о соседских домыслах запросто, не требуя ни подтверждения, ни опровержения. Как будто бы я при всем желании не могла пролить свет на истинное положение вещей. Я была ошарашена её откровенностью и таким беспардонным интересом соседей к нашей личной жизни... Но всё-таки запомнила определение «лихорадка субботнего вечера», чтобы передать Гийому. Потому что приходилось признать, что оно довольно точно описывает наше «сексуальное извращение» последние четыре месяца, то есть с тех пор, как мы перебрались в Сингапур.

Самое обидное, что, по сравнению с первыми годами отношений, теперь мы не просто спали вместе, но и искренне любили друг друга. То есть у нас была крепкая база для множественных одновременных оргазмов. Но – полное несовпадение биоритмов. Из-за жары рабочий день в Сингапуре начинается рано, часто до восьми утра. Гийом, заложник офисного расписания, вечером мечтал отдохнуть, а я – наконец поработать. Он храпел, я печатала. И таки да, в резонанс нам удавалось войти только субботним вечером. Зато резонировал от этого, как нам нескромно казалось, весь жилой комплекс «Черри Хиллз».

IV. Прощай и здравствуй!

– Тамара, кажется, у меня диабет.

Тамара – которая была, конечно, никакой не Тамарой, а Тхамали или вовсе даже Тхандари – перестала массировать мою стопу и внимательно на неё посмотрела. Повернула её влево под углом в сорок пять, а затем в девяносто градусов. Приподняла ноготь большого пальца. Подергала фаланги в одной ей ведомой последовательности и устояла на пятку, будто ждала, что в ней откроется сейфовая дверца.

– Нет у тебя диабета, – бросила она и снова воззрилась в потолок, запустив свою волшебную руку с хитро сложенными пальцами по горам и долам моей стопы. В её ладонях прозаическая подошва тридцать восьмого размера становилась вдруг обширной и просторной, обретала ландшафт, найденные туристические тропы и потаённые уголки, в которые никто, до Тамариного мизинца, не забирался.

– У моей прабабушки по материнской линии был. И я все время хочу пить после обеда. Пока мы с Кьярой доезжаем из парка до дома, я умираю от жажды!

– Не умрёшь, – отозвалась Тамара.

– Никогда? – лукаво спросила я, надеясь смягчить её врачебный тон.

– Не от жажды, – коротко уточнила она.

– Надеюсь, не скоро?!

– Аркашрь! – прокашляла Тамара в сторону дверного проёма. Из-за яркой тряпки, отделявшей рабочую зону домашнего салона от приватной, появилась дородная индуска с красным пятном во лбу и глазами навывкате.

– Мадам хочет знать, когда она умрёт, – сообщила ей Тамара.

– Это будет стоить мадам тридцать долларов, – ответила обладательница кашляющего имени.

Я замахала руками:

– Нет-нет, мадам вовсе не хочет ничего такого знать!

– А это будет стоить мадам пятьдесят долларов, – отозвалась пожилая индуска.

Я зажмурилась, зажала уши пальцами и стала громко петь «Желтую субмарину», пока не почувствовала стука в пятку. Приоткрыла левый глаз: индуски в дверном проёме не было, надписи с днём моей кончины тоже. Я осторожно вытащила пальцы из ушей.

– Не волнуйся, она завтра уедет. И никто не будет знать, когда ты умрёшь.

– А это кто вообще? – спросила я шёпотом, с опаской поглядывая на жёлто-оранжевую занавесь.

– Моя тётка из Пуны. Едет навестить сына в Куала-Лумпур. Он учится на гидроинженера.

– Полезная профессия... А что, она так про всех всё знает?

Тамара пожала плечами.

– Многое.

– Так вы, наверно, всей семьёй у неё консультируетесь?

– Бывает. Когда надо что-то большое купить. Или ехать далеко.

– И всё сбывается?!

– Иногда.

Тамара не баловала собеседника лирическими отступлениями. Её вербальная скупость была возведена в принцип: как работник слова я не могла не заметить, что общие вопросы (те, на которые можно ответить «да» или «нет») она предпочитает специальным (те, ответы на которые требуют дополнения, определения или обстоятельства). Этой молчаливостью, словно землёй, был присыпан пласт драгоценных знаний о человеческом теле, его нуждах и тревогах, анатомических взаимосвязях и секретных кнопках. Едва Тамара брала мою стопу

в свои руки и начинала с ней беззвучный диалог, я чувствовала себя иностранкой в собственном теле. Стопа что-то рассказывала ей о моих внутренних неполадках, жаловалась, просила о помощи и благодарила, а я ничего не понимала. Оставалось только следить за Тамариной мимикой: она то хмурилась, то чуть улыбалась, то кивала головой, мол, да-да, поняла тебя. Мне хотелось, чтобы она рассказывала на своём мягком спринглише со сказочными интонациями, о чём закручинился мой желудок, в какой реинкарнации я заработала мигрень, и что там творится в датском королевстве моего левого колена, которое стало ныть на дождь... Но Тамара, как всякий врач, хранила тайну пациента. Её пациентом было моё тело, и его она самоотверженно лечила оплаченные сорок пять минут. Мозг же она считала в некотором роде врагом остального тела и ни при каких обстоятельствах не доверила бы ему медицинского досье. Иногда она бросала мне на прощанье: «Будет жечь в правом боку». И правда, назавтра жгло. По первости я пыталась было спрашивать почему, но она молча складывала свои ведьмачьи мисочки с толчеными зёрнами, подбирала сари, поджимала губы и уходила за тряпку-штору. В расспросах ей чудилось недоверие.

– А может быть, у меня что-то не в порядке с поджелудочной? Или с щитовидкой?

Тамара вздохнула, пробежала пальцами от щиколоток к коленям и даже в виде исключения проявила интерес к моему лицу – оттянула сперва нижние веки, а затем, довольно бесцеремонно, нижнюю губу.

– Не могу сказать ничего конкретного.

Я разочарованно опустила на спинку кресла. Настаивать бесполезно. Она не видит. Придется идти в эту блестящую навороченную клинику на Серангун-роуд по страховке мужа. Должно же как-то объясняться то, что каждый день я съедаю по килограмму апельсинов!

Общение с передовой сингапурской медициной мы отсрочивали, как могли. Девяносто пять евро за визит к терапевту – от этого проходят разом все хронические болезни. Уже та сумма, которую Гийому приходится ежемесячно отчислять за базовую страховку на случай госпитализации, срочного хирургического вмешательства или репатриации останков, заставляет трепетно относиться к собственному здоровью – смотреть под ноги, беречь голову, ошпаривать овощи перед употреблением.

Пока я сдавала кровь на гормоны и онкомаркеры, Кьяра, не имеющая представления о волатильности денег, беспечно бегала по мокрому скользкому полу детской площадки на крыше торгового центра «Некс». Этот рай с горками и фонтанами открылся пару месяцев назад и сразу стал нашим вторичным секретом. По вторникам у Лесли, всегда чертовски занятой, было свободное утро. Ну то есть как свободное... За двести пятнадцать долларов гастроэнтеролог сказал, что если она не перестанет работать по семьдесят часов в неделю, то через полгода ей обеспечено прободение язвы. В принципе, то же самое Лесли говорили все знакомые и совершенно бесплатно, но их слова не имели юридической силы. А бумажка за докторской печатью – имела. После долгих торгов, выкладывания друг перед другом анмнеза и рабочего контракта, начальник часто заморгал и таки согласился предоставить Лесли утро вторника для восстановления кислотно-щелочного баланса. При условии, конечно, что у неё всегда под рукой будет мобильный с включённым скайпом.

Лесли занимала важный пост в британской компании, которая никак не желала расставаться с колониальными амбициями и распустила свои эскпортные щупальца по пяти континентам. Она должна быть на посту двадцать четыре часа в сутки, из них шестнадцать – в презентабельном виде, то есть в костюме с зауженной юбкой и накладными плечиками. Ей могут позвонить в четыре утра с другого конца света с вопросом «Как проводить по накладной цистерны с денатуратом?». И она ответит. Рывком поднимет торс от матраса, нащупает на при-

кроватьной тумбочке очки, нацепит их на маленькие ненакрашенные глазки и без запинки скажет: «Согласно пункту 312.2.47», а не то, что любой нормальный человек сказал бы в подобной ситуации. Поэтому у нормальных людей в Сингапуре развлечения ограничены китайской кондитерской и массажем пяток, а у Лесли есть атрибут абсолютного сингапурского люкса – рабочее авто в личном распоряжении.

Так вот по вторникам мы крепили детское кресло на заднем сидении её «Тойоты», с помпой проезжали по рампе нашего жилого комплекса и двигались на улицу Серангун, где в своём белоснежном величии высился ТЦ «Некс».

Но сегодня в обычной программе были изменения: по дороге Лесли высадила меня у подъезда блестящей тонированным стеклом клиники.

– Уверена, что справишься? – спросила я её, вылезая из машины.

– Ни о чем не беспокойся, – отмахнулась она и подмигнула Кьяре в зеркальце заднего вида. – Мы же подружки, правда?

Кьяра сделала страшные глаза: не мне одной казалось, что в роли бебиситтера Лесли смотрится неубедительно. За полчаса, проведенные в клинике, я мысленно написала сценарии нескольких триллеров.

Вот Лесли сидит с широко раскрытыми глазами, из её ушей валит дым, а Кьяра прыгает, используя вместо резиночки неестественно раскинутые Леслины ноги.

Вот Лесли рассказывает Кьяре про свою работу (сложности транспортировки взрывчатых и легковоспламеняющихся веществ). Или того хуже – про то, как она проводит свободное время. Детство Кьяры с этого момента можно считать безвозвратно потерянным.

Вот Кьяра упала с горки, Лесли везёт её в травмпункт, но у неё нет Кьяриных документов, она выглядит странно в своём кожаном топе с заклепками, её подозревают в похищении ребёнка и без суда и следствия бросают в сингапурскую тюрьму (из которой, как известно, невозможно выбраться), а Кьяру забирает соцслужба и сразу определяет в приёмную семью (дети европеоидного типа – редкий и лакомый продукт на рынке усыновления). Я обиваю пороги министерств, но дело засекречено, тайна усыновления действует до совершеннолетия, и лишь спустя годы Кьяра находит меня через Фейсбук. Лесли между тем образует вокруг себя команду арестанток. Они устраивают бунт, захватывают власть в тюрьме, сажают в камеры конвоиров и директора, а сами бегут в леса. Через несколько лет в малазийских газетах появляются сообщения о новом племени амазонок: они похищают мужчин и отпускают их несколько дней спустя после серии оргий. Антропологи предполагают, что лесные женщины с помощью похищенных размножаются. Я в это время иступлённо делаю карьеру. Наш брак не выдержал испытания пропажей дочери. Болезненный трудоголизм, которым я забываюсь, дал результаты: я сотрудничаю с американским «Нэшнл Джеографик». Его главный редактор заинтересовался историей с малазийскими амазонками и поручает мне добиться у них интервью и фотосъёмки. Дело почти невозможное, именно поэтому он обращается ко мне: всё журналистское сообщество знает, что я фанатик без страха и упрёка. Правдами и неправдами я выхожу на амазонку и получаю аудиенцию у их королевы. Та-да-да-дам! Встреча века: мы с Лесли не верим глазам, кидаемся друг к другу в объятия. Я остаюсь жить в племени: оказывается, девчонки устроили в сельве передовую коммуну с последними достижениями техники. Здесь каждый занимается своим делом, а дети растут под общим приглядом. Кьяра уже взрослая, учится в колледже Сен-Мартинс и иногда приезжает на каникулы навестить нас с Лесли, новую семью Гийома и своих приёмных родителей...

Б-р-р! Я потрясла головой, чтобы вытряхнуть из неё всякую чушь.

– Уже всё, уже всё! – ласково сказала медсестра и растерла гиб моей руки влажной ваткой.

С тремя смузи в обнимку я дошла до лифта и локтем, на внутренней стороне которого белел квадратик пластыря, нажала кнопку шестого этажа. Пару мгновений пожалась перед дверью на крышу, словно желая запастись кондиционированной прохладой – а может, чтобы оттянуть момент. Ведь у меня была для Лесли новость. Такая новость, которую я побоялась сообщить ей утром в машине. Интуиция подсказывала, что после её оглашения банановый смузи будет остро нуждаться в привкусе виски, который я нашла на задворках домашнего мини-бара и перелила в сувенирную фляжку с гербом СССР. Сувениры с советской символикой Гийом оптом закупает на Измайловском рынке, но каждый раз по возвращении из Москвы оказывается, что друзей у нас меньше, чем заготовленных шапок-ушанок или гжелевских молочников. Запас подарков с каждым годом растёт, но мы не теряем надежды однажды кардинально расширить круг общения.

В этот жаркий час на крыше не было никого, кроме моих отважных девочек. Лесли сидела в узкой тени у стены, дробила зубами пластиковую соломинку и безотрывно смотрела на Кьяру – покорительницу горок. Курить Лесли позволяла себе только в специально отведённой курилке в офисе – здесь к этому относятся с большим предубеждением. Но по раскрошенной соломинке было видно, что курить ей хочется очень. Она даже не повернула головы в мою сторону.

– Когда я просила не спускать с неё глаз, то не думала, что ты поймешь это буквально, – сказала я, присаживаясь рядом и вручая ей смузи.

– Она меня завораживает, – проговорила Лесли, не переставая жевать соломинку. – Как возможно совершать столько телодвижений в секунду? Знаешь, я тут размышляла и пришла к выводу, что дело в кровотоке. Дети в два раза ниже взрослых, и кровь быстрее пробегает путь от затылка до пяток. Цикл короче, а значит кровь ребёнка в два раза насыщеннее кислородом по сравнению с кровью взрослого...

– Опять ты про работу! Тебе врач запретил, помнишь?

Для Лесли, как и для меня, утро вторника было редкой возможностью поговорить со взрослым человеком о чём-то общечеловеческом. Но так получалось, что её общечеловеческое мерялось контейнерами и обрастало накладными, а моё как-то фатально закольцовывалось на Кьяриных достижениях в области письма и счёта. За два месяца регулярных сидений на крыше торгового центра мы стали почти подругами, а значит, Лесли вошла в число тех, на чью долю Гийом закупал сувениры.

Я достала из сумочки плоскую коробку с гербом СССР.

– Это тебе. Подарок.

– О, СССР! – воскликнула она, разглядывая коробку. – Чем я заслужила? У меня только в июле день рождения.

– На память. В этом предмете – вся ты: коммунистический задор предков, кожаный корсет, гладкая металлическая крышечка, наглухо завинчивающая горячительное содержимое.

Лесли улыбнулась и стала похожа на Джейн Фонду. Вынула фляжку из бархатного чехла. Встряхнула. Отвинтила крышечку и принюхалась.

– Виски? С утра?! У меня же гастрит!

Я описала взглядом дугу между фляжкой и смузи.

– Сегодня можно, – и добавила после паузы: – Нас отзывают во Францию.

Лесли уставилась на меня, и изжеванная соломинка выпала из её губ. Не глядя она плеснула виски в бананово-персиковое пюре. Не глядя отхлебнула. Поморщилась, но отхлебнула ещё.

Гийом сообщил новость вчера за ужином. Социалисты принялись выполнять предвыборные обещания и вдохновенно повышали налоги в разных отраслях. Один из них сделал вдруг невозможным дальнейшее разворачивание его компании на азиатском рынке. С необычной для французов приткостью главное бюро позакрывало начатые проекты и призвало экспатов на родину. На прощание с хорошей жизнью нам было отпущено полтора месяца.

Я сражалась с правой щекой Франсуа Олланда, которая никак не желала становиться щёкой Олланда и делала его похожим на Олега Меньшикова, когда в замочной скважине трижды провернулся ключ. Это Джой, маленькая филиппинка, которую муж упорно называл на французский манер «Жоэль», пришла исполнить свою еженедельную миссию – привести нашу квартиру в соответствие со стандартами жилища богатых экспатриантов. Сто квадратных метров бардака, пять мятых рубашек, три часа работы, от четырех до десяти слов в общей сложности.

– Хэллоу, мэдэм! – проворковала она из прихожей, истратив половину их утренней нормы.

– Привет, Джой! – отозвалась я и окинула рабочее место стыдливым взглядом: карандаши, застрявшие между диванными подушками, кофейные круги от чашки и крошки бисквита на полированной поверхности журнального столика, катышки использованного ластика устилают паркет вокруг дивана. Настоящий клондайк для домработницы.

Словно археолог, Джой принялась освобождать замысел дизайнера интерьеров от всего наносного – от брошенных наспех шортов, разбросанных игрушек, забытых по комнатам чашек, раскрытых журналов и панамок посреди прихожей. Квартира хорошела на глазах. И башни картонных коробок, обозначившиеся по углам гостиной, стали видны отчетливей. Джой задумчиво подметала вокруг них по третьему разу.

– Мы уезжаем, Джой. Возвращаемся во Францию.

– О, мэдэм! – грустно протянула она.

Вряд ли она привязывалась к работодателям, но мы были без преувеличения симпатичной семьей и раз в месяц давали ей десять долларов на чай.

– Мы хотели бы сделать тебе небольшой подарок за прекрасную работу.

Я протянула ей конверт.

– О, мэдэм! – прошептала она благодарно.

– И вот ещё что...

Я поманила Джой в коридор и распахнула дверь в спальню, куда она со своей вселенской метлой еще не добралась. Там царил эпический беспорядок. Кровать была завалена одеждой, пол усыпан носками и туфлями, на дверцах шкафов висели лифчики, на ночниках громоздились широкополые соломенные шляпы.

– Здесь надо прибраться, Джой. Я бы даже сказала, вынести отсюда девять-десять избыточных килограмм текстиля. Справишься?

Её красивые филиппинские глаза озорно сверкнули.

Через сорок минут Джой ушла, выкрикивая слова благодарности из-под тюков с новообретенными тряпками. А пустые коробки остались стоять в чистоте и величии. Мне предстояло эргономично разместить в них наши экспатриантские богатства. Отобрать то, что может пригодиться в Европе, и то, что должно остаться в Азии. Разделить то, что было куплено на память, а что – по сиюминутной надобности. Провести ревизию прошлого и сделать прикидки на будущее. Именно поэтому Джой унесла в своих тюках облегчающие платья, юбки с поясом и коллекцию ярких лифчиков размера 80С. Многостраничная распечатка результатов анализов сообщала, что у меня понижен гемоглобин, повышен сахар, гормоны прыгают, как

на батуте, а сегментоядерные нейтрофилы ведут себя просто-таки неприлично. Но главное: что всё это в порядке вещей, так как я – pregnant⁵.

⁵ англ. «беременна»

V. Если у вас тётя – есть

Синди и Патрик снимают мансарду на площади Сорбонны, их окна выходят прямо на ректорат старейшего в мире университета. Мы знаем об этом виде понаслышке, потому что они никогда не приглашали к себе в гости. Объясняют они это тем, что в их четырнадцатиметровой квартире всего пять стоячих мест – то есть таких, где взрослый человек может выпрямиться. И всей мебели – картонный стол. По крайней мере последнее было правдой. Журнальный столик, складывающийся, как оригами, из листа картона формата А1, друзья подарили Патрику на защиту магистерской диссертации по кварцам, мы сами сдавали на него по десять евро. Синди, когда она годом раньше защитила диссертацию по способам выращивания кофе в Эфиопии, подарили набор кофейных чашечек (на них мы сдавали по десять евро в прошлом году). Теперь кандидат геологических наук и кандидат биологических наук живут как герои о’генриевского рассказа «Дары волхвов»: у них есть чашки, из которых можно пить кофе, и есть стол, за которым его пить, но первое нельзя ставить на второе.

Мы всегда думали, что картонный стол – лишь отговорка, помогающая удерживать любопытных на расстоянии от семейной идиллии Патрика и Синди. Или что они, как многие люди науки, патологические неряхи. Или что они проводят дома какие-то запрещённые опыты, и на самом деле кварцы и кофе – лишь прикрытия для иного, засекреченного и субсидируемого франкмасонами научно-исследовательского проекта, за который они потом получают Нобелевскую премию. В общем, мы вдоволь поупражнялись в конспирологических теориях. Но теперь пришла наша очередь оценить преимущества и недостатки мебели из полиграфических материалов. Окна нашей новой съёмной квартиры выходят на мануфактуру Гобеленов, ту самую, где в семнадцатом веке плели самые красивые в Европе шпалеры – здание ничуть не хуже Сорбонского ректората, а ночью, в подсветке, так даже и лучше. И мы тоже пока никого не приглашаем полюбоваться видом, потому что всей мебели у нас – книги да винные бутылки.

Перед отъездом в Сингапур мы распродали всё мало-мальски ценное через интернет. Рослый мулат приехал за холодильником буквально через час после размещения объявления, а за детскую кроватку виртуально сражались три семьи. Победила та, что пообещала коробочку бельгийского шоколада в придачу к сумме сделки. Килограммы детской одежды были посланы дальним знакомым из провинциальных городков. А то, что нельзя было ни продать, ни отдать, мы распахали по подвалам друзей.

Частные подвалы – очень полезная особенность парижской недвижимости старого образца, при котором подземелья домов ещё не превратились в многоярусные парковки. Ценность друга в разы повышается, когда он переезжает на квартиру с подвалом: менее удачливые друзья временно прописывают к нему свои сноуборды, сёрфы, ящики с институтскими конспектами и старые, но хранимые на чёрный день стиральные машины.

Мы как семья истинных интеллектуалов попросили друзей приютить у себя алкоголь и книги. Первый отдали самым близким товарищам, которым доверяем как себе. А литературу рассовали всем, кто по каким-то причинам хотел с нами дружить, а значит не прочь был оказать услугу. Книг у нас набралось пять коробок: Гийомовых – по финансам, моих – на русском. И хотя я настаивала на том, что культурная ценность моих и его книг несопоставима, судьба их была одинаково грустна: вернувшись из подвальной ссылки, они сделались суррогатами мебели.

Из Рубиной и Улицкой мы сложили ножки стола.

Из серии пособий «Как ничего не делать и иметь много денег» соорудили диванчик.

Из томов Манна, Маркеса и Уайльдера получились добротные табуреты.

Аннами-Гавальдами и Амели-Нотомб в мягкой обложке огородили спальные места.

Уэльбек и Акунин обозначили прикроватные тумбочки.

Кьяра построила себе собственное кресло из собственной же библиотеки. Это было очень пёстрое кресло, как в смысле цветов, так и в смысле жанров.

Мы не хотели заниматься обустройством квартиры, пока не поймём, что из содержимого сингапурских коробок пережило транспортировку. Ведь объединив мой опыт журналиста-путешественника и Гийомов – студента-кочевника, в девять картонных кубов мы умудрились уложить резной журнальный столик, сдутые кожаные пуфики и пару складных бамбуковых кресел, не говоря уж о нескольких наборах столовых приборов с этническими орнаментами... Но весь этот любовно утрамбованный сингапурский период застрял где-то между Европой и Азией.

Я сидела на кровати Готье, который любезно разрешил нам первое время после переезда пользоваться его обустроенной жилплощадью, чайником и интернетом, и строчила электронные письма в надежде вызволить наш груз. Или хотя бы определить его местоположение. Формулами изощрённой вежливости, угрозами физической расправы и обещаниями закрыть ещё неоткрытое уголовное дело я добилась сотового номера директора транспортной компании, которой этот груз был доверен. У компании были замечательные рекомендации – два года назад она в целости и сохранности доставила из Сингапура в Вену груз племянника Гийома коллеги. По неизученным законам поруки на неё переносились характеристики племянника, сумевшего накопить на собственную жилплощадь в австрийской столице, и коллеги, у которого кабинет цвёл и благоухал от пышущих здоровьем интерьерных растений. «У него «зелёная рука», – с уважением говорил Гийом, намекая на то, что в нашей квартире бесславно гибнут даже неприхотливые юкки. Но сейчас я никак не могу вспомнить, почему же мы доверились этой «зелёной руке» в совершенно неэкологичном деле трансконтинентальной перевозки?..

– В Париже, да что вы говорите! Я четвёртый – четвёртый, понимаете?! – день хожу в чужой одежде? – кричала я в трубку, мысленно добавляя евроценты к ближайшему счёту Готье за телефонную связь.

– Э-э, мэдэм, это всё французская таможня, – шепелявил с другого конца директор на спринглише.

– С какой стати таможня роется в моих вещах?! – возмущалась я.

В трубке послышался стрёкот клавиш.

– У вас там какой-то рог... Или бивень. Заподозрили контрабанду. Французы очень подозрительны.

– Бивень, бивень... А-а, сувенир из Камбоджи! Настенное украшение!

– Ну, мэдэм, мы же вас предупреждали: никаких сомнительных вещей. Со слоновьей охотой сейчас всё очень строго.

– Я? Убить?! Слон??!!

– Да, это очень грустно, мэдэм. Слонов убивают, килограмм их кости стоит тысячи долларов на чёрном рынке. И если хотите знать моё мнение, мэдэм, так просто вам выкрутиться не удастся. Возможно, стоит начать привыкать ходить в чужих вещах...

Моя строптивость сразу укротилась.

– И сколько примерно времени им понадобится, чтобы установить происхождение рога? – спросила я тише. – В смысле, чтобы убедиться, что он не слоновий и получен легальным путем?

– Кто же может знать, мэдэм. Это же французы. Рассчитывайте на пару месяцев.

– Но почему они не вернут хотя бы остальные вещи?! – проскулила я. – Пусть оставят себе этот злополучный рог для изучения!

– Это не по правилам, мэдэм. Ведь если они вернут вам груз без какой-то его части, вы подадите в суд на транспортную компанию. А мы обещали вам доставить груз во Францию? Обещали. Доставили? Доставили. В целости и сохранности согласно накладным. Мы не хотим нести ответственность ещё и за французских таможенников. Удачи, мэдэм!

Перед поездкой в Шарль-де-Голль я надела самое обтягивающее платье, которое нашлось в гардеробе девушки Готьё. Конечно, я не рассчитывала вызвать гендерный интерес таможенников, но надеялась сыграть на сочувствии к беременной женщине. Говорят, романские народы чадолюбивы.

– Сувенир, говорите? А у вас остался за него чек? – спросил очевидно не чадолюбивый таможенник, едва глянув на мой выпячиваемый живот.

– Слепой старик из глухой камбоджийской деревни не имел кассового аппарата, – ответила я.

Скорее всего, он не умел ни читать, ни писать и общался с миром только посредством художественной резьбы по кости.

Французский таможенник ещё сильнее заподозрил в роге слоновий бивень.

– Результаты экспертизы придут через двенадцать дней, – процедил он. – Тогда и станет понятно, привлекать ли вас по делу о подпольной торговле и браконьерстве.

– Ох! – простонала я и схватилась за живот. – О подпольной торговле?!

– Пять лет тюрьмы общего режима, штраф двадцать тысяч евро, – отчеканил он. – Но вам в вашем положении, возможно, сделают поблажку.

Ага, вот это чадолюбиво. Возможно, меня посадят под домашний арест, а с коляской будет гулять специальный соцработник. В этом даже есть свои плюсы, если разобраться... На ватных ногах я поплелась к выходу из «красной зоны».

– Двенадцать *рабочих* дней! – прокричал вслед таможенник.

Вообще-то мы хотели не снимать квартиру, а купить. Ну хоть какую-нибудь. Ну пусть даже не для себя, а в счёт будущего наследства детям. Для этого Гийом и отправился на заработки в Сингапур. Эта голубая мечта примирила меня с вечно влажной переносицей, потными ладонями и сальными волосами, а Гийома – с разговорами о биотопливе из банановых шкурок.

На третий вечер сквотирования дивана Готьё мы включили компьютеры и погрузились, каждый со своей подушки, в изучение рынка столичной недвижимости. Как он тут без нас? Не завял ли? Мы там, в Сингапуре, конечно, почитывали профильные журналы и знали про «стабильное снижение цен в лакшери-сегменте». Но подтягивается ли реальный сегмент за флагманским? Так ли резво, как наши накопления – к черте среднего класса?

Рынок чувствовал себя прекрасно, это подтвердили цены в четырёх крупных агентствах недвижимости. Сингапурских накоплений с присовокупленными досингапурскими и даже с гипотетической прибылью от залога пустующего бабушкиного участка в Лангедоке хватало на так называемую «комнату бонны» площадью семь целых семьдесят две сотых квадратных метров. Я уже стала представлять, как мы, пользуясь подсказками «Икеи», разместим в одном углу душевой поддон, в другом – конфорку и сдадим это всё неприхотливому провинциальному студенту...

– По закону нельзя сдавать жилплощадь меньше девяти метров, – не отрывая взгляда от своего монитора, сказал Гийом.

– Откуда ты знаешь, что я именно её смотрю?

Гийом глянул на меня поверх очков.

– Вероятно, потому что я тоже её смотрю. Это я просто думал вслух.

Мы вышли на тот этап отношений, когда движения души настолько синхронизированы, что в любой момент можно вычислить координаты точки, которую проходит кривая настройки партнера.

Я последовательно уменьшала метраж в запросах, пока не скатилась к складским ячейкам и парковочным местам.

– А почему бы и нет... – снова подумал вслух Гийом. – Почему бы, собственно, и не паркинг? Чего деньгам лежать напрасно, пусть хоть так пользу приносят.

Часто бывает, что у мужчин маленького роста большие амбиции. Это называется комплекс Наполеона. Рост Гийома выше среднефранцузской мужской нормы на два сантиметра, но на два ниже нормы среднерусской. Поэтому, когда во мне включён режим «французенка», он кажется мне высоким красивым молодым человеком с трезвым взглядом на жизнь. А когда берет своё «русская» – низеньким невротиком с непомерным эго.

Всё потому, что в любом деле Гийом сразу метит в дамки. На его мечтах можно объяснять студентам-кинематографистам принципы монтажа: вот он находит две тысячи евро на начальную инвестицию в бюро ремонта теннисных ракеток – вырезаем четыре года – и вот он уже хозяин империи спорттоваров, раскидавшей щупальца по смежным рынкам здорового питания и покрытия кортов. Этаким Ричард Бренсон, скрещенный с Романом Абрамовичем (потому что в мечтах у Гийома есть и своя команда по регби. Естественно, чемпион Европы).

Гийом стал первым человеком в мире, который отчитал меня за то, что я не умею мечтать. Ведь мечтать надо о большом и недостижимом. Мои же мечты, как оказалось, больше смахивают на краткосрочные планы, составленные кадровым служащим среднего звена, чьи зачатки воображения вытравлены переписыванием бумажек. Думая о покупке парковочного места, я мечтаю о том, чтобы нашелся знакомый нотариус, который оформил бы нам сделку со скидкой, – масштаб, унижительный для фантазии Гийома. Ведь он уже видит себя некоронованным королем парижского рынка парковок, на которого молятся (и которого проклинают) столичные автовладельцы. Вот уже сам мэр Парижа приглашает его для переговоров о проблеме стоянки в центре города. Вот его награждают правительственной грамотой за вклад в процессы урбанизации. Вот его умоляют баллотироваться в городской совет, но он отнекивается: зачем ему кабинет с видом на Нотр-Дам, когда у него уже есть бунгало с видом на Тихий океан?

Наш первый паркинг, которому предстояло стать зиготой парковочной империи, находился в подвале дряхлеющей панельной многоэтажки. «Зато напротив редакции „Лё Монд“, – сказал Гийом, заметив мою кислую мину. – Во Франции, знаешь ли, журналисты – обеспеченные люди, почти у всех есть автомобили».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.